

*Посвящается моим детям,
внукам и правнукам*

Пролог

В начале 2019 года я сидела в своей лондонской квартире, и тут зазвонил телефон.

— Алло?

— Леди Гленконнер? Это Хелена Бонэм Картер.

Не каждый день мне звонят голливудские звезды, но этого звонка я ожидала. Когда создатели популярного сериала Netflix «Корона» сообщили, что в третьем сезоне меня будет играть Нэнси Кэрролл, а Хелена Бонэм Картер сыграет принцессу Маргарет, я очень обрадовалась. Меня попросили встретиться с актрисами, чтобы они лучше представили мои отношения с принцессой Маргарет. Я не возражала.

Нэнси Кэрролл приехала ко мне на чай. Мы расположились в моей гостиной и побеседовали. Разговор был фантастический. Я была очень собранной, понимая, что Нэнси нужно стать мной, и сейчас она впитывает каждое слово и каждый жест.

Через несколько дней, когда мне позвонила Хелена, я пригласила на чай и ее тоже. Я не просто восхищаюсь ее актерским талантом. Хелена — двоюродная сестра моего мужа, Колина Теннанта. Ее отец помог мне, когда в 80-е годы мой сын попал в аварию на мотоцикле.

Когда Хелена вошла в гостиную, я сразу заметила, как она похожа на принцессу Маргарет: одинаковый рост, фигура... Хотя у нее оказались другие глаза, но во взгляде я почувствовала тот же игривый, интеллигентный блеск.

Мы уселись в гостиной, я налила своей гостье чай. Она вытащила блокнот — у Хелены оказалось множество вопросов. Она хотела сыграть принцессу как можно лучше, «показать ее настоящей». Многие вопросы касались манер. Хелена спросила, как принцесса курила. Я описала процесс подробно, словно китайскую чайную церемонию. Принцесса доставала из сумочки длинный мундштук, тщательно вставляла сигарету. Закуривала она всегда сама — у нее было немало очень красивых зажигалок. Маргарет терпеть не могла, когда кто-то предлагал ей закурить. Когда кто-то из мужчин спешил на помощь, она делала легкий, но вполне однозначный жест, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в ее желаниях.

Я заметила, что Хелена сразу же сделала легкий, еле заметный жест, чтобы сразу же закрепить только что описанное мной движение, а затем перешла к обсуждению характера принцессы Маргарет. Я попыталась рассказать о неповторимом остроумии принцессы — она всегда умела находить что-то смешное, старалась не сосредоточиваться на плохом, всегда сохраняла позитивное и деловое настроение. Мы бе-

седовали, и постепенно образ принцессы становился таким живым, словно она сама сидела за нашим столом. Хелена слушала очень внимательно, делала массу заметок. Мы проговорили три часа. Когда Хелена ушла, я осталась в твердой уверенности, что она идеально подходит для этой роли.

Обе актрисы написали мне благодарственные письма. Хелена Бонэм Картер выразила надежду, что принцесса Маргарет могла бы стать ей такой же хорошей подругой, какой была для меня. Это меня глубоко тронуло. Мне очень хотелось вновь встретиться с принцессой Маргарет на экране. Я вспомнила наше детство в Норфолке, тридцать лет работы фрейлиной, те моменты, когда мы хохотали, как безумные... Я вспомнила взлеты и падения нашей жизни.

Я всегда любила рассказывать истории, но мне и в голову не приходило написать книгу — пока две гостьи не всколыхнули эти воспоминания. Я росла в те годы, когда нас учили не задумываться, не оглядываться назад и не задавать лишних вопросов. Только сейчас я понимаю, насколько необычными были девять десятилетий моей жизни, сколько поразительных контрастов в ней было. Я оказывалась в самых странных обстоятельствах, веселых или ужасных. Много даже мне самой кажется невероятным. Но мне очень повезло — у меня прекрасная семья, и я прожила замечательную жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Величайшее разочарование

Холкем-холл взирает на равнину Северного Норфолка с неким презрением. Это суровый дом. Краше всего он становится к концу лета, когда трава приобретает оттенок коричневого сахара и весь парк сливается с домом. Совсем рядом побережье, где под бескрайним небом дуют сильные ветры. За соляными болотами и дюнами, поросшими темными сосновыми лесами, открывается серо-золотистый пляж Холкем. Мои предки превратили болотистые равнины в место зарождения сельского хозяйства. Здесь, где раньше жили лишь дикие гуси да чибисы, в последние дни правления Тюдоров поселилось семейство Куков. Сэр Эдвард Кук считался лучшим юристом времен правления Елизаветы и Якова —

именно он успешно провел процесс над сэром Уолтером Рэли¹ и участниками Порохового заговора².

Герб нашего семейства — страус, глотающий железную подкову. Герб символизирует нашу способность переварить что угодно. Сохранилась фотография моего крещения летом 1932 года. Меня держит на руках отец, будущий пятый граф Лестер, а рядом стоят родственники-мужчины с торжественными лицами. Я изо всех сил старалась быть мальчиком, даже весила при рождении 11 фунтов³. Но я родилась девочкой, и сделать с этим ничего было нельзя. Я не могла унаследовать графский титул и Холкем, пятое по размерам поместье Англии с 27 тысячами акров⁴ великолепных сельскохозяйственных земель, старинной мебелью, книгами, картинами и серебром. У моих родителей родилось еще двое детей — и снова девочки. Через два года родилась Кэри, а через двенадцать — Сара. Род прервался. Отец явно чувствовал, как сурово и с осуждением смотрят на него предки за четыреста лет существования нашего рода.

¹ Уолтер Рэли (1552–1618) — английский придворный, государственный деятель, поэт и писатель, историк, солдат и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I. Прославился каперскими нападениями на испанский флот, за что получил рыцарство в 1585 году.

² Пороховой заговор (*англ.* Gunpowder Plot) 5 ноября 1605 года — неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Якова I. Остался в современной культуре как «Ночь Гая Фокса» — по имени самого знаменитого участника заговора.

³ 4,9 кг.

⁴ Около 110 кв. км.

Та же судьба постигла и отца моей мамы, восьмого лорда Хардвика. То ли из солидарности, то ли потому, что маме казалось, что мне понадобится сильный характер, она назвала меня Анной Вероникой в честь убежденной феминистки, героини романа Герберта Уэллса. Моя мама, Элизабет Йорк, была женщиной умной, обаятельной – именно о такой невестке всегда мечтал мой дед. Она тоже была дочерью графа из Уимпол-Холла в Кембриджшире.

Отец мой был мужчиной красивым и весьма популярным. Он обожал сельские радости. Наследник графства Лестер, он всегда был завидным женихом. Мои родители познакомились на лыжном курорте Санкт-Мориц, когда маме было пятнадцать, а отцу семнадцать. Они сразу же полюбили друг друга и даже неофициально обручились. «Я точно знаю, что хочу на тебе жениться», – сказал отец. Возможно, он так поспешил, потому что страшно боялся другой девушки из Норфолка, которая имела на него самые серьезные виды. Объявив о своей помолвке, он мог положить конец ее притязаниям.

Мама моя была женщиной очень красивой и абсолютно уверенной в себе. Думаю, именно это и привлекло отца. Сам он был человеком довольно сдержанным и спокойным, и решительная, жизнерадостная мама идеально его дополняла.

Их можно было назвать золотой парой высшего общества. Они близко дружили с герцогом и герцогиней Йоркскими, которые позже, из-за отречения брата герцога, короля Эдуарда VIII, неожиданно стали королем и королевой Англии. Родители мои дружили с сестрами принца Филиппа, принцессами Теодорой, Маргаритой, Сесилией и Софи, которые

часто приезжали погостить в Холкеме. Удивительно, но юный принц Филипп, который был намного младше сестер, всегда останавливался с няней не в Холкеме, а в пабе «Виктория», расположенном прямо на пляже. Недавно я спросила его, почему он не останавливался у нас, но он сам этого не понимал, поэтому мы решили, что ему просто хотелось быть максимально близко к пляжу.

Родители мои поженились в октябре 1931 года, а я стала ребенком медового месяца — родилась в день первой годовщины их свадьбы.

Пока мне не исполнилось девять лет, графом Лестером был мой прадед. Он сам и мой дед тоже жили в Холкеме в собственном крыле замка. Дом наш был огромным — особенно для ребенка. Дом был так велик, что лакеи опускали сырые яйца в кастрюльку с горячей водой и несли с кухни в детскую: к моменту их прихода яйца уже были идеально сварены. Мы часто бывали у деда. Я его просто обожала, а он старался проводить со мной побольше времени. Мы сидели в длинной галерее и слушали классическую музыку на граммофоне. Когда я стала чуть постарше, он научил меня фотографии — ему удалось передать мне свою страсть к этому искусству.

Когда отец служил в Шотландском гвардейском полку, мы исколесили всю страну. Мною занимались няни, на плечи которых легли все повседневные заботы. Мама никогда не купала и не одевала меня и мою сестру Кэри. Она не кормила нас и не укладывала спать. Зато она всегда организовывала что-то интересное — поездки или пикники на природе.

Отец отнесся к семейным обязанностям своеобразно. Он был человеком суровым и прямолиней-

ным. Отец всегда требовал, чтобы мы спали с открытыми окнами, и тщательно проверял, строго ли мы соблюдаем правила туалета. Я всегда старалась усесться ему на колени, но была слишком крупной, и он сгонял меня ради Кэри. Кэри он нежно любил и называл «своей маленькой куколкой-мечтательницей».

Отец рос в Викторианскую эпоху, и детство его было вполне типичным для мальчика его происхождения. Его воспитывали няни и гувернантки, потом он отправился в Итон, а оттуда в Сандхерст¹. Отец проследил, чтобы его сын узнал все, что должен знать наследник. Мой дед был отцом любящим, но довольно отстраненным. Сентиментальность была ему несвойственна. Он не любил демонстрировать эмоции. Впрочем, в нашей семье такими были все, даже мама. Да, она нас обнимала и говорила добрые слова, но крайне редко говорила о своих чувствах и не интересовалась нашими. Сердечности в отношениях не было. Когда я стала старше, она стала вести со мной воспитательные беседы. Люди ее поколения и социального статуса не привыкли проявлять эмоции.

Но во многих других отношениях мама была полной противоположностью отцу. Будучи всего на девятнадцать лет меня старше, она стала для меня скорее старшей сестрой, веселой и игривой. Мы с Кэри лазили с ней по деревьям с палкой, к которой был привязан половник. Половником мы вылавливали из гнезд яйца галок — они были куда вкуснее яиц зуйков.

¹ Имеется в виду Королевская военная академия в Сандхерсте — городе в графстве Беркшир.

Мы с мамой устраивали пикники на пляже, ездили в маленький Остин. Я страшно любила тамошнее мороженое — торговцы мороженым ездили на велосипедах и кричали: «Останови меня и купи мороженое!»

Когда это требовалось, мама становилась воплощением красоты и элегантности, но не забывала и о собственных увлечениях, которые зачастую были довольно рискованными. Мама была бесстрашной наездницей и гоняла на «Харли-Дэвидсоне» Мне она привила свою любовь к парусному спорту. Уже в пять лет я начала плавать на байдарке по волшебным речкам Бернэм-Овери-Стейт¹ и перестала, лишь когда мне исполнилось восемьдесят. Я всегда участвовала в местных гонках, но частенько оказывалась последней и приплывала к финишу, когда все уже расходились по домам.

Холкем был сугубо мужским поместьем, суровым и довольно старомодным. Мой прапрадед, второй граф, унаследовал отцовский титул в 1842 году. Он был графом, когда мой отец был еще мальчишкой. Прапрадед был настоящим брюзгой — даже жена должна была называть его Лестером. В молодости он как-то встретил в коридоре няню с ребенком и строго спросил:

— Чей это ребенок?

В молодости мой прапрадед как-то встретил в коридоре няню с ребенком и строго спросил: «Чей это ребенок?» — «Ваш, милорд», — ответила озадаченная няня.

¹ Бернэм-Овери-Стейт — деревня на побережье Норфолка.